

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

К 100-летию выхода «Вех»

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

В.Н. ШЕВЧЕНКО

Интеллигенты недовольны интеллигенцией

В большинстве печатных работ последних двух десятилетий дается негативная оценка деятельности русской (российской) интеллигенции за последние полтора столетия. Наиболее повторяемой и часто тиражируемой точкой зрения по поводу интеллигенции остается веховская оценка 1909 г. Если суммировать все недостатки русской интеллигенции, о которых говорится в «Вехах», то окажется, что она идейна, беспочвенна и, самое страшное, она антигосударственна. И эти оценки повторяются сегодня при каждом удобном случае. Создается такое впечатление, что некоторым силам в обществе, причем нередко идейно далеким друг от друга, нужно постоянно проговаривать вслух эти «ужасные» недостатки русской интеллигенции. Кажется, существует какая-то скрытая тревога и боязнь за то, как себя поведет сегодня интеллигенция, — вдруг захочет показать еще раз на практике эти «недостатки», благо для этого есть немало оснований и поводов.

Роль русской, российской интеллигенции в истории российского общества остается до сих пор плохо раскрытой. Многое в негативных оценках интеллигенции идет от лукавства власти, от ее неизменного во все времена стремления приписать интеллигенции то, за что гораздо большую ответственность несет сама власть. Именно власть всегда стремилась переложить вину за случившееся со страной на какие-то другие общественные силы и, прежде всего, на интеллигенцию. Известный ученый Г. Померанц в своей лекции об интеллигенции приводит рассуждения государственного деятеля В.К. Плеве, который в споре с К.Н. Победоносцевым отстаивал необходимость использования этого слова с полицейской точки зрения. «Интеллигенция — это тот слой нашего общества, который с восхищением подхватывает всякую новость и даже слух, клонящийся к умалению правительственной или духовно-православной власти, но ко всему остальному равнодушный»¹. Неужели на самом деле такова русская интеллигенция?

Удивительно, что некоторые авторы, называющие себя интеллигентами, также охотно занимаются саморазоблачениями. Они обвиняют интеллигенцию, именно интеллигенцию, даже в совершении преступлений, продолжая известную традицию, идущую, кажется, от «Вех». 1915 год. В.В. Розанов: «Пока не передавят интеллигенцию — России нельзя жить. Ее надо просто передавить. Убить»². А вот 1998 год. Ф.И. Гиренок: «В 1917 году к власти пришли левые интеллигенты. В 1991 году их сменили правые интеллигенты. И те, и другие вызывают омерзение»³. Конечно, легко бросаться такими оценками. Утешение, что никто особенно и не верит в преступления интеллигенции. Ну, а ответственность ответственного представителя интеллигенции — это особый вопрос.

Имперская Россия — отсталая в политическом отношении страна. Кто виноват?

Экономическая, политическая, военная отсталость России от Запада вынуждает самодержавную власть пойти на реформы в 60-х гг. XIX в. Реформы вместе с тем означали неизбежность заимствования многих прогрессивных достижений Запада, полученных им в разных сферах общественной жизни. Вместе с тем они породили проблему практических последствий этих заимствований.

Не вдаваясь в этимологические тонкости понятия интеллигенции, отмечу, со слов того же Г.С. Померанца, одного из самых знающих авторов по проблемам интеллигенции, что во французском языке со второй половины XVIII века слово *intelligence*, а затем в немецком *Intelligenz*, стали использовать для обозначения образованных, просвещенных, «прогрессивных» элементов общества⁴. Одним словом, интеллигенция — это собрание просвещенных, образованных людей. Отсюда уже видно то особенное, что наметится позже в понимании специфики русской интеллигенции, обозначенной таким словом в 60-е гг. XIX века.

Специфика русской, российской интеллигенции во многом обусловлена запоздалым характером переходного процесса, который переживает пореформенная Россия. Для российской самодержавной власти было характерно глубокое отчуждение ее от народа. Она заявляет публично, что знает, куда идти, как идти, при этом отвергает упреки слева и справа, но с радостью приближает к себе тех, кто согласен ей содействовать в реализации задуманных ею реформ.

Открытая политическая деятельность в России весь XIX век находится под запретом. Под запретом — это мало что говорит. Николай I принял уложение в 1845 г., согласно которому политика объявлялась монополией государственной самодержавной власти. Занятие частного лица политической деятельностью стано-

вилось уголовным преступлением. Но и после того, как начались реформы, самодержавная власть не имела никакого намерения давать хоть какие-то собственно политические свободы своим подданным, делать их полноправными гражданами и вносить сколько-нибудь серьезные перемены в архаичное, средневековое устройство власти и управления. Согласно циркуляру 1878 г. преступником мог стать любой человек, кто только подозревался в намерении заняться политической деятельностью. Александр III в 1881 г. подписал ряд документов об охране государственного порядка и, прежде всего, о придании особого статуса политической полиции. Всякие разговоры о привлечении широкой общественности к обсуждению и принятию государственных решений не принимались всерьез.

Вопрос о том, действительно ли в России имела место демократизация общества до 1905 г. и после 1905 г., остается глубоко дискуссионным. Скорее всего, можно говорить о появлении демократических декораций, а по сути о явно наметившейся тенденции к становлению, особенно в первые десятилетия XX в., полицейского государства. П.Б. Струве был прав, когда утверждал в 1903 г., что «действительная самобытность современной ему России заключалась во всемогуществе политической полиции, ставшей сущностью российского самодержавия»⁵. Удивительно, но весь этот огромный комплекс проблем в отечественной литературе почти не обсуждается по существу. Но за полицейский поворот в общественной жизни страны делается ответственной в стране, по сути, только «русская интеллигенция», под которой понимается, естественно, левая и особенно, леворадикальная интеллигенция. Другой по взглядам интеллигенции для авторов «Вех» не существует.

Кто играет роль гражданского общества в его отсутствие?

Самодержавие стремилось превратить создаваемый с ее помощью капиталистический уклад в еще одну опору для своего сохранения и упрочения своей власти. Главной опорой оставалась власть помещиков в деревне. Эти особенности в развитии капитализма в России отмечали не только отечественные марксисты, но и добросовестные западные исследователи. Одно завоевание Запада становится особо значимым для российского общества, жившего по-прежнему при феодально-самодержавных порядках. Вопрос о личности, ее гражданской позиции был самым болезненным вопросом для российского общества.

Основу гражданского отношения к жизни составляет чувство собственного достоинства и совесть, которые не позволяют мириться с унижениями и оскорблениями себя и других. Интеллигент как таковой есть совестливый, порядочный человек. Но ин-

теллигенция не есть слой интеллигентных людей с незапятнанной индивидуальной совестью. Интеллигенция, как социальное явление, вырастает из попыток отдельных лиц, начинающих считать себя гражданами государства, реализовать свои личные потребности участия в политической жизни, однако при отсутствии легальных возможностей. Институты гражданского общества выступают важнейшим каналом обратной связи между институтами власти и социальными классами и группами на Западе, в том числе и разные формы классовой борьбы. Без всего этого западное общество не смогло бы так быстро развиваться в последние столетия. Деятельность интеллигенции — это и есть выражение ее гражданской ответственности в условиях отсутствия практически любых сколько-нибудь действенных институтов гражданского общества в имперской России. Поэтому гражданин в России — это человек, настроенный, если не враждебно, то, по крайней мере, остро критически к власти, городскому обывателю с его мещанской психологией, к культу денег. Одним словом, это «критически мыслящая личность». Но, прежде всего, интеллигенция и берет на себя ответственность и смелость говорить самодержавной власти, как она понимает, правду о том, к каким последствиям ведут ее указы и законы, проводимые в жизнь реформы.

То, за что сражаются интеллигенты в те времена в России, это борьба за законное признание различных способов и путей участия отдельных граждан или их групп в политической жизни. Философские книжки и теории представляют интерес для различных представителей интеллигенции именно с точки зрения обоснования путей и способов политического оппонирования власти, создания гражданской атмосферы в обществе. Со своей философской высоты А.Н. Бердяев в своей статье в «Вехах» бесцеремонно упрекает всех обращающихся к философии в отсутствии у них глубины постижения тех или иных философских теорий. Критика самодержавной власти у Бердяева содержится всего в одной строчке⁶, вся остальная статья — критика без всякого снисхождения тех, кто добивается, как сказали бы сегодня, новой архитектуры политического пространства.

Русская, российская дореволюционная интеллигенция по своей деятельности есть эрзац, заместитель гражданского общества, и в этой своей ипостаси она решительно отличается от просвещенных, образованных лиц, профессионально занятых умственным трудом. К русской интеллигенции можно причислить тех, кто пытается своими конкретными действиями и поступками восполнить отсутствие институтов гражданского общества. Это люди не только самых разных профессий и степени образованности, но и политических воззрений и интересов. Здесь никого нельзя исключать. Нет такой профессии — русская интеллигенция. Преподаватель,

студент, крестьянин, любой человек, кто попытался решать вопросы гражданской самодеятельности и самостоятельности, есть в тех условиях представитель интеллигенции, хотя отдельные деятели науки, культуры, искусства тех времен неоднократно открещивались от того, чтобы их называли интеллигентами. Но, конечно, у людей с образованием, прежде всего, могли появиться развитые гражданские добродетели, гражданская ответственность, хотя связь между гражданской позицией и образованием далеко не простая, особенно применительно к российским условиям.

Интеллигенция есть социальное образование, которое возникает и устойчиво существует в общественном пространстве между самодержавной властью и государственной бюрократией, с одной стороны, и остальным народом, с другой стороны, в условиях перехода российского общества от феодализма к капитализму. Одним словом, русская (российская) интеллигенция — это довольно аморфный и многоплановый социальный феномен. С точки зрения социальной структуры его границы подвижны и неопределенны. Они не могут быть уловлены социологическим анализом социальной структуры общества. Русская интеллигенция есть публичная, и, следовательно, гражданская совесть народа в конкретно-исторических условиях пореформенной России. Поэтому, подчеркнем, еще раз, она не связана жестко с какими-то профессиями. Нельзя никому отказывать в праве публичного поступка, индивидуальной демонстрации гражданской совести и гражданской позиции.

Здесь возникает вопрос. Можно ли назвать студентов-юнцов, вышедших на улицу, интеллигентами, хотя они и отнесены в «Вежах», словно в насмешку, к русской интеллигенции⁷. Было бы опасно любой публичный поступок или уличные действия считать проявлением гражданской позиции. Проявление недовольства, хулиганство, бытовые или уличные ссоры на этнической почве — прямого отношения к выражению гражданской позиции не имеют, хотя каждый случай требует отдельного рассмотрения.

Когда говорится о гражданском обществе, то имеется в виду, что развитая политическая система состоит из господствующих и оппозиционных, но так или иначе организованных политических сил, ведущих борьбу за власть, властные возможности принятия решений на государственном уровне. В противном случае нет публичного политического пространства. Где могла публично выступать русская интеллигенция, если реальной политической сферы в пореформенном российском обществе практически не было, кроме верноподданничества как образа мыслей и действий.

Понятно теперь, где место и роль интеллигенции. Откуда это — не могу молчать и почему не могу молчать? Собственно говоря, никто не спрашивает у интеллигенции ее отношения к происхо-

дящим в обществе реформам или, наоборот, к явлениям застоя и деградации. Но она, как мыслящая и просвещенная часть общества, берет на себя роль публичного выразителя общественного мнения, и потому в той или иной мере всегда находящейся в оппозиции к власти.

Еще раз о духовной позиции интеллигенции

Сначала нарождавшаяся русская интеллигенция была народнической по духу. Движимая чувством совести, она публично осмеливается критиковать власть за то, что реформы не облегчают положение народа. Власть действует не в интересах народа, а против них, государство в ходе реформ забывает о своем историческом предназначении — о своей ответственности за общее благо всех подданных, всего населения страны. Капитализм — это зло для всех народов России. Капитализм несет собой социальное расслоение, распад общины, насаждение индивидуализма и стремления только к личной выгоде. Интеллигенция обличает несправедливые действия власти в отношении народа и уверена в том, что правда находится на стороне народа, апеллирует к вечным традиционным ценностям русского народа, к нравственным основам русской жизни. Критики народнической интеллигенции называли это народопоклонством.

Главный упрек и в XIX веке, и в XX веке русской интеллигенции заключался в том, что интеллигенция хочет не того, что хочет народ. Так ставился вопрос в тех самых «Вехах». Интеллигенция говорит от имени народа, а кто ей дал такое право? У народа есть своя точка зрения. И сегодня всякий, кто стремится осудить интеллигенцию за то, что она выступает в роли борцов за народное счастье, повторяют эти слова. Это важный вопрос. И на нем следует остановиться подробнее.

В условиях отсутствия реального политического представительства интеллигенция заявляет, что она берет на себя ответственность за судьбу страны, считает себя в ответе за ее будущее, что она защищает интересы народа, в основном состоящего из крестьянской массы, других социальных групп так, как она их понимает. Конечно, противостояние интеллигенции власти во имя народа и от имени народа далеко не всегда было разумным. В нем было много утопизма, морализаторства, пустословия — любые оценки здесь могут подойти. А об отдельных интеллигентах и говорить не приходится, насколько они бывали и бывают сегодня эгоцентричными и несносными в личном общении. Но вряд ли в этом можно упрекать всю интеллигенцию в целом, когда отсутствуют легальные формы политической борьбы, публичного отстаивания интересов народных масс, остающихся по большей части молчаливыми и непросвещенными.

Здесь уместен другой вопрос, а самодержавная власть делала то, что хотел народ или делала то, что считала нужным, не считаясь с народом? Всегда существует противоречие между интересами классов, различных социальных групп и интересами государства и общества в целом. Поэтому и появляется сфера публичной политики, политическая сфера, в рамках которой должны разрешаться эти противоречия. Публичная полемика позволяет искать и находить компромиссы.

Можно говорить о каком-то единстве народнической интеллигенции, но уже после нее нельзя утверждать о наличии единой по взглядам интеллигенции. Мыслящие люди, те, которых относят к интеллигенции, начинают занимать не абстрактные позиции борьбы за высшую справедливость, высокие идеи и нравственность, а политические позиции. Но основной признак интеллигенции остается прежним: противостояние и критика власти теперь уже и слева, и справа.

Л. Троцкий в 1912 г. верно заметил, что после революции 1905 г. время интеллигенции закончилось⁸. На ведущие места в обществе выдвигаются партии, хотя интеллигенция вплоть до революции 1917 г. остается самостоятельной и влиятельной общественной силой. Следует иметь в виду, что одна и весьма значительная ее часть начинает придерживаться определенных идеологических, партийных позиций. Другая часть, напротив, в партии не идет и решительно порывает с активной общественной деятельностью, третья продолжает вести борьбу с внепартийных, общечеловеческих позиций, что позволяет сохранять каждому из них имя настоящего русского интеллигента, продолжающего верить в свое предназначение — быть выше жестких партийных догм и идеологических принципов.

Идеологически ангажированную интеллигенцию можно классифицировать как левую, правую, либеральную, социалистическую, рабочую, партийную, православную и другую интеллигенцию. Но она работает на определенную идеологию или на партию, и теперь выделение интеллигенции в особый слой имеет весьма простой смысл — это люди преимущественно с высшим образованием. Таково, собственно говоря, и понимание интеллигенции в широком смысле слова.

Во всем виновата левая интеллигенция. Так ли это?

Теперь относительно упреков в адрес левой дореволюционной интеллигенции в том, что она, в отличие от других групп интеллигенции, беспочвенна и антигосударственна, что она слишком нетерпелива в своем желании иметь в стране конституцию, партии, парламент и т.д. Ответ на эту критику зависит от того, была ли левая интеллигенция исторически права или нет, действи-

тельно ли имелись тогда реальные возможности для перехода самодержавной России к западной модели капитализма.

По моему глубокому убеждению, таких реальных возможностей у страны не было. Россия оставалась тогда и, кстати, остается сегодня, периферией капиталистической мировой системы. У периферии иная траектория экономического развития, чем у центра. Центр является держателем и собирателем всех капиталов, которые стекаются в него со всего мира и которыми он распоряжается к своей собственной выгоде. Это объясняет, например, почему в России оказывается возможным второе издание крепостничества. Когда в Западной Европе развивается мануфактура, а затем и фабрично-заводская промышленность, то западному обществу требуется все возрастающее количество природного сырья и сельскохозяйственной продукции. Поэтому для многих аграрных стран становится выгодным заниматься и далее их производством, но такая ориентация хозяйственной жизни лишь усугубляет неравномерность их экономического и социального развития.

Модернизация экономики носит выборочный характер и определяется во многом потребностями более развитых стран. Происходит постепенная атрофия внутренних источников развития. Все это и приводит к появлению в мире огромного числа периферийных стран, отсталых и зависимых. Но стать зависимой и полукOLONиальной страной Россия не могла именно по причине своего статуса великой державы. Неразрешимое противоречие заключалось в том, что имперская Россия по мере проведения реформ все больше отстает, а не приближается к западным странам по уровню экономического, социального, политического, военного развития. Но, конечно, центральная проблема переходного периода — это проблема власти, поскольку до самого начала революции 1917 г. в стране оставалось самодержавие.

Тупиковость развития страны есть объективная основа радикализации настроений в российском обществе как слева, так и справа. Степень радикализации общества зависела тогда от поведения власти. Самодержавная власть своей близоруккой и безответственной политикой, кажется, сделала все возможное для максимальной радикализации российского общества. Если власть стремилась защищать свои политические позиции на путях открытого насилия и террора, нежели на путях реальной демократизации, к примеру, как в бисмарковской Германии, то падение самодержавия было просто неизбежным. Левую интеллигенцию можно упрекать в антигосударственных настроениях, но то же самое следует сказать в адрес ярых защитников самодержавия, которые, укрепляя давно отживший этот институт власти, только ускоряли его неизбежное падение. За радикализацию интеллиген-

ции, как справа, так и слева несет полную ответственность самодержавная власть.

Теперь, что касается беспочвенности. Почвой можно считать только традиционный уклад жизни, но каким образом его можно отделить от института самодержавной власти и православия как государственной идеологии? Защитниками традиционного уклада становятся монархисты, черносотенцы, деятели церкви. Они апеллируют к духовно-нравственным, религиозно-метафизическим ценностям. Для них проблема личности — это вовсе не проблема становления политически активного гражданина и гражданского общества, а проблема нравственного самосовершенствования.

Именно об этом и говорится в предисловии к «Вехам». И потому отсутствие в стране политических реформ авторов этого сборника мало интересует. «Для русской интеллигенции, — пишет С.Н. Булгаков, — предстоит медленный и трудный путь перевоспитания личности. Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни: Государственной — для осуществления «реформ», экономической — для поднятия народного хозяйства, культурной — для работы на пользу русского просвещения, церковной — для поднятия сил учащей церкви, ее клира и иерархии»⁹. Про реформу политической системы, разумеется, ни слова, как и про то, кто же все-таки является автором этих разных реформ — высший слой бюрократии или кто-то другой, принимающий здесь политическое решение?

Интеллигенция логикой самой жизни вынуждена защищать два крайних, два радикальных способа спасения российского общества в виде, которые сами, в свою очередь, порождены тупиковостью российского хода истории. Или нравственное самосовершенствование личности или борьба против государства, которое отказывает в праве каждому подданному стать гражданином и принимать участие в публичной политике. В любом случае интеллигенция апеллирует к идейным, духовно-нравственным ценностям, к тому, что составляет смысл существования российского государства. Но одна ее часть условием дальнейшего его существования считает нравственное совершенствование личности, а другая — активное участие в радикальном изменении социальных отношений в обществе. История дала ответ, кто оказался прав.

Что могло быть антитезой российскому радикализму?

Синтез традиционализма и либерализма, т.е. создание правового государства в виде конституционной монархии, — таков был предложенный Б.Н. Чичериным либерально-консервативный общественный идеал, — оказался в то время лишенным общественной поддержки, как и более поздняя аналогичная « лабора-

торная» конструкция П.Б. Струве¹⁰. Синтез предполагает совместную, длительную, заинтересованную работу правительства и всего общества, требует большого исторического времени. Этот синтез нужно было начинать российской власти, по крайней мере, еще в начале XIX века. Восстание декабристов было последней неудавшейся попыткой освободить страну от периферийной роли в капиталистической мировой системе. Дальнейшее отставание страны постепенно выдвигает другую тенденцию развития на первый план, который и реализуется в первые десятилетия XX века. Полное истощение страны в годы первой мировой войны и привело к революции 1917 г. Одним словом, возможности мирной социальной революции в России оказались ничтожными.

Еще раз скажем. Не следует преувеличивать роль и влияние интеллигенции на ход исторического развития пореформенной России. Выходящие на историческую арену социально-политические силы, которые были «разбужены» активностью народной интеллигенции, в дальнейшем ставят просвещенную часть общества перед выбором. Либо она должна пойти работать в возникающие партийно-политические структуры и действовать далее через них, или действовать по-прежнему разрозненно, в одиночку и в скором времени очутиться на обочине истории, когда начинаются революционные потрясения 1917 г.

Советская интеллигенция пала жертвой своих амбиций в годы перестройки

В советском обществе интеллигенция считалась социальной прослойкой или социальной группой, состоящей из людей, профессионально занятых умственным трудом. Со времен оттепели в обществе находились отдельные личности, которые стали выступать с публичной критикой тех или иных конкретных действий партийно-советской власти. Они обычно назывались в печати диссидентами, или несколько мягче, инакомыслящими. Как правило, они подвергались идеологической проработке, а нередко и разного рода репрессиям. После отставки Хрущева и пражских событий 1968 г. диссидентство как движение в стране приобрело довольно широкий размах, но оно оставалось практически неизвестным для общества. Подавляющее большинство диссидентов выступало за социализм «с человеческим лицом», но власти не допускали даже мысли о необходимости публичного обсуждения стратегических целей общества, обновления устаревших идеологических штампов.

Перестройка вызвала к жизни мощное движение, прежде всего, в кругах интеллигенции, которая отважилась, наконец-то, открыто осуждать и критиковать партийно-советскую власть. Возникла ситуация переходного периода в стране, которая во мно-

гом напоминала ситуацию в пореформенной России, и которая стала развиваться по уже знакомому сценарию.

Первоначально главной целью «архитекторы перестройки» объявили построение демократического социалистического государства, правового государства и гражданского общества. Отказ от однопартийной системы и единственно верной идеологии, переход к многопартийной системе и к идеологическому плюрализму стало главным мотивом активных выступлений и действий перестроечной советской интеллигенции. Поэтому не случайно с самого начала перестройки началось энергичное обсуждение проблематики хорошо известного из дореволюционной российской литературы треугольника отношений: власть – интеллигенция – народ. На первых порах повсеместно обсуждалась тема: «Интеллигенция и народ». Затем, когда интеллигенция пошла во власть, самой острой проблемой стали отношения интеллигенции и власти. Эйфория по этому поводу у самой интеллигенции была запредельно высокой.

Советская интеллигенция «вспомнила» свое историческое предназначение русской интеллигенции, когда она стала вслух говорить о своем гражданском долге, своей гражданской позиции. Правда, было одно различие, но весьма существенное. В пореформенной России власть жестко противостояла всей критически настроенной левой интеллигенции и примирительно относилась к крайне правым настроениям. Перестроечная власть поступила прямо противоположным образом. Поскольку власти разрешили свободу критики своих собственных идеологических и организационных основ, то спектр свободного выражения мнений сразу же оказался чрезвычайно широким. С одной стороны, плюрализм мнений действительно свидетельствовал о начале становления гражданского общества. Верные по своему замыслу первые шаги власти по пути демократизации советского общества были в целом поддержаны подавляющим большинством граждан. Но очень скоро ведущие идеологи партии стали всячески провоцировать интеллигенцию и подталкивать ее к все большей радикализации требований вплоть до отказа от советского социализма. Предельное обострение общественно-политических противоречий привело к полному параличу властно-управленческой вертикали и распаду союзного государства, советской системы власти. Радикально правая интеллигенция пошла во власть.

После 1991 г., когда распался Советский Союз, особенно после октября 1993 г., казалось, что теперь интеллигенция получила все, чего хотела. Но очень быстро наступило разочарование. Вопрос не в том, что интеллигенция не выдержала испытания властью. К примеру, А. Собчак откровенно написал о глубоком разочаровании своим хождением во власть, хотя трудно поверить в его

искренность¹¹. Но дело было, конечно, в другом. Бюрократия использовала интеллигенцию в качестве орудия разрушения советской системы, а затем стала всячески вытеснять интеллигенцию из властных структур. Началось становление дикого, волчьего капитализма. Новое и слабое российское государство было просто приватизировано олигархами, захватившими наиболее жирные куски бывшей государственной собственности, что привело к невиданной социальной поляризации общества. Неизбежным, но побочным продуктом смены общественно-политического и экономического строя стало появление большого числа политических партий и общественно-политических объединений, ряда других институтов нарождающегося гражданского общества. И потому историческая миссия, историческая роль отечественной интеллигенции показалась общественному мнению завершенной.

Все начинается сначала?

В 90-е гг. самой обсуждаемой темой стал вопрос о ненужности интеллигенции. Давайте говорить теперь об интеллектуалах, но в память о прошлом составим прощальный мартиролог. Превосходная статья Н.Е. Покровского так и называлась «Прощай, интеллигенция»¹². Несколько позже другой автор, В. Лебедев, написал ироничную статью под тем же названием¹³. С предельной откровенностью Н.Е. Покровский выразил еще раз свою позицию в другой своей статье, посвященной 90-летию «Вех». «Ныне речь может идти только об отношениях найма рабочей силы, в данном случае интеллектуальной: кого, когда, на сколько и за сколько. Рынок, так рынок»¹⁴. В некотором смысле дискуссии вокруг сборника «Вехи» были итоговыми, завершались 90-е гг. и вместе с ними времена бездумных радикал-либеральных экспериментов.

В частности, клуб «Свободное слово» Института философии РАН откликнулся специальным заседанием в марте 1999 г. На обсуждении доминировала либеральная точка зрения.левой радикальной интеллигенции досталось и в этот раз. В своем выступлении автор настоящей статьи говорил о том, что «в слезном спектакле о прощании интеллигенции я вижу вполне определенный идейный смысл, а именно попытку объявить всякие левые поползновения интеллигенции устаревшими, вышедшими из моды, ностальгическими... И все же интеллигенция не умерла и не собирается умирать, по крайней мере, до тех пор, пока российское общество не сможет разрешить... глубочайший кризис, в котором находится страна»¹⁵.

Попытка форсированного перенесения на постсоветскую почву западной модели демократии и гражданского общества провалилась, что едва не привело к краху РФ как нового типа российской государственности. К концу XX века РФ оказалась на

границы распада. В мае 1999 г. А.И. Солженицын, выступая на общем собрании Российской академии наук, посвященном 275-летию со дня ее основания, сказал, что трудно говорить об утешительном прогнозе для России. Сегодня мы живем «в условиях уникального в человеческой истории пиратского государства под демократическим флагом». Руководители правительства, сидевшие в президиуме, кисло аплодировали. Речь Солженицына была опубликована только «Независимой газетой»¹⁶. Общество совершенно не «заметило» этого выступления. Никакой полемики, никаких откликов. Речь была предана забвению, так же, как и ее публикация в Вестнике РАН среди других материалов общего собрания¹⁷. Разве это не настоящий гражданский поступок писателя с мировым именем? В общем, авторы поторопились, когда написали о конце интеллигенции. Прощание с интеллигенцией не состоялось.

После прихода В.В. Путина на пост Президента республики начинается постепенное собирание России, угроза распада России была отодвинута, но не преодолена. Вместе с тем В.В. Путин подвергается критике со стороны радикально-либеральной интеллигенции за свертыwanie демократических институтов. Эту позицию предельно четко выразила Л. Шевцова: «Ельцинское выборное самодержавие уступило место бюрократическо-авторитарному режиму». «Путин усилил традиционализм, начав восстанавливать обвалившееся при Ельцине государство привычно русского типа»¹⁸.

Действительно, в стране происходит становление неотрадиционалистского государства с явно выраженными авторитарными чертами и всеми вытекающими отсюда последствиями. Идет медленное, но неизбежное возвращение государства в общество, преодоление наследия радикал-либерального взгляда на государство как на ночного сторожа, рост устойчивости политической системы.

Видимо, российскому государству и в обозримом будущем не удастся избавиться от своей тяжелой исторической ноши быть носителем и главным субъектом идеи общего блага. На этом пути опять появляются хорошо известные по прошлой истории серьезные для страны опасности и угрозы. Они связаны с усилением власти первого лица, с несправедливостью в виде нарастающего социального расслоения на богатых и бедных, с отсутствием эффективного гражданского контроля и стагнацией гражданского общества в его самых неразвитых и первоначальных формах, с выдавливанием его институтов из сферы публичной политики. Наконец, это и опасность появления тоталитарных тенденций в виде, например, прямой, жесткой заботы государственной власти о состоянии нравственности общества и каждого человека,

когда только государство решает, что такое добро и что такое зло. Такую задачу власть хотела бы возложить в недалеком будущем на православную церковь, которая все больше желает взять на себя функции государственной идеологии.

Российская история в который раз вновь будет искать баланс между самовластными устремлениями государства и существующими в обществе представлениями о роли государства как носителя идеи общего блага, как обязанного претворять в жизнь исторически сложившиеся представления о нравственности, праве, социальной справедливости. Вот здесь большую роль вновь будет играть интеллигенция, как публичная, более того, гражданская совесть, как духовно-нравственное ядро российского общества и народа. Интересно, что именно с начала нового века по всей стране проходит большое количество форумов и конгрессов интеллигенции¹⁹. (Более редкими событиями стали форумы и конгрессы гражданского общества, при этом на них лишь в самом общем виде затрагивались вопросы публичной политики.)

Тема интеллигенции вновь активно обсуждается в обществе, так что о конце интеллигенции вообще перестали говорить в последнее время. Но если посмотреть, о чем на этих форумах и конгрессах говорят, то, прежде всего, о необходимости поддержки интеллигенцией нынешних усилий власти по стабилизации общества. Поэтому в этой ситуации все чаще упоминается об ответственности, чем об интеллигенции²⁰. Интеллигенция, которая неизменно заявляет о своей безусловной поддержке различных действий власти, берется активно ей содействовать, называется в печати общественностью или даже передовой общественностью. Увы, значительная часть российской интеллигенции именно так понимают сегодня свою историческую роль.

О ситуации в стране и в мире и сложностях ее понимания

С начала века высшая власть активно наводит «порядок» в политическом пространстве и гражданском обществе, пытается вытеснить все непредсказуемое и неконтролируемое из политической среды, в том числе ряд радикальных партий, ограничить их влияние на общественное мнение.

Происходящим в политической жизни процессам трудно дать сегодня однозначную оценку. Все зависит от того, во имя чего происходят в ней такие значительные перемены. Одно дело, если они становятся условием мощного модернизационного рывка, другое дело, если это наведение порядка в политической сфере порождено страхом коррумпированной государственной бюрократии за свои места и деньги²¹.

В стране по-прежнему сохраняется глубокое отчуждение власти от общества, столь характерное для традиционного общества.

Неотрадиционалистское общество здесь отнюдь не исключение. Современные партии в России не пользуются высоким уровнем доверия, хотя среди них есть и оппозиционные партии со своей прессой и публикациями, но они имеют мало политического влияния на взгляды населения. Институты гражданского общества по-прежнему больше всего сосредоточены в неполитической сфере.

Поэтому нередко только настойчивое давление интеллигенции способно пробить броню отчуждения и пренебрежения интересами граждан, их конституционным правом принимать участие в политической жизни. Проверенное оружие интеллигенции — прямая публичная критика действий органов государственной власти, и, прежде всего, правительства, использование любых информационных каналов с целью доведения до власти мнения различных слоев населения. Но интеллигенция не торопится использовать это оружие, а возможно ей просто не дадут многого сказать.

В целом идейная ситуация в обществе сложная. Она вновь связана с попыткой синтеза традиционализма, апеллирующего к духовно-нравственным, религиозно-метафизическим ценностям, и либерально-демократических ценностей. Проблема в том, что непосредственный синтез здесь вряд ли возможен, именно как жизнеспособный синтез, который открыл бы дорогу к ускоренной модернизации России как великой державы, к сохранению ее суверенитета. Следует принять во внимание конкретное место, которое занимает Россия в мире как периферия капиталистической мировой системы. Если синтез и возможен, то, скорее всего, он будет обретать очертания колониально-либерального синтеза. Тогда за Россией на долгие десятилетия останется роль, обусловленная сложившимся мировым разделением труда, быть сырьевой кладовой Запада, хотя при этом начнут складываться какие-то устойчивые формы политической жизни. Но в **такого рода государстве** основные решения по стратегическим целям развития общества принимаются за его пределами.

Страна сегодня находится далеко позади развитых капиталистических государств, и длительный процесс прививки либерально-демократических ценностей объективно не способствует ускоренному развитию России. Дилемма — либо борьба за последовательное развитие институтов либеральной (буржуазной) демократии и формального права, либо форсированное достижение целей модернизации российского общества — действительно является для страны весьма актуальной.

Форсированное развитие страны — это вновь обращение к левым идеям, к идее нового социализма. В ее основе вновь будет лежать идея общего блага. Выразителем идеи общего блага рано

или поздно станет государство, высшая власть. Но прежде чем произойдет такой поворот в головах правящей элиты, интеллигенция наряду с другими политическими силами должна донести и до власти, и до народа подлинный смысл идеи нового социализма.

Конечно, гражданское общество не спасает ни от эксплуатации, ни от бедности, поскольку формальное равенство перед законом не имеет прямого отношения к проблеме социальной справедливости. Чтобы принятые законы выполнялись гражданами России, они должны быть справедливыми по своему существу. Поэтому у Маркса и ставился вопрос о переходе от гражданского общества к подлинно гуманному обществу, к человеческому обществу. Но этот переход можно осуществить не мимо гражданского общества, а только через его развитие. Эту мысль и пытается теоретически развивать сегодня современная концепция нового социализма.

Но не будем опережать событий. Впереди борьба за новую социалистическую перспективу для России. Поэтому сохраняется роль интеллигенции и в России, и на Западе. Нельзя говорить, что она полностью отыграна.

Знаменитая фраза Э. Золя «не могу молчать», как выражение подлинной гражданской позиции писателя-интеллигента, и сегодня сохраняет свою актуальность. Необходимость в обличении власти, в критике ее опасных действий и поступков не пропадала и долго еще не пропадет и у нас, и в современном западном обществе. К примеру, Н.Хомский является не только выдающимся американским лингвистом, но и самым известным из американских диссидентов, который признан в левых кругах «совестью нации», духовным отцом всех левых антиамериканских движений. Более того, по некоторым опросам он признан самым выдающимся общественным мыслителем современности. Его книги, обличающие американский империализм, известны всему миру²².

В России ситуация совсем другая при всем внешнем сходстве отдельных сторон политической жизни России и Запада. «Русская (российская) интеллигенция» — это граждане в точном смысле этого слова, как наиболее просвещенный и ответственный слой российского общества. Суть гражданской позиции — это не просто участие в разговорах о судьбах российского государства, а законное право на участие в выработке целей развития государства, практической работе по их реализации, в контроле над деятельностью государственных чиновников, так что поддержка власти и жесткая конструктивная оппозиция ей всегда должны идти рядом. Тем более, что люди у власти добровольно нигде в мире от власти не отказываются и свои политические ошибки признают крайне неохотно.

Так что интеллигенции еще найдется работа. И потому не случайно веховские оценки интеллигенции вновь направляются именно против левопатриотической ее части. Скоро 100 лет сборнику «Вехи». Готовятся книги и юбилейные мероприятия, осталось недолго ждать, какие оценки будут даны нынешней российской интеллигенции, тем более, что сегодня ей особенно «похвастаться» нечем. За окном бушует финансово-экономический кризис, которому ни конца, ни края не видно. Но как выразилась одна интеллигентная персона на страницах одной массовой газеты, «в стране кризис, а нам не страшно».

Примечания

- ¹ Померанц Г.С. Интеллигенция, интеллигенты и интеллигентность // IGRUNOV.RU.
- ² Розанов В.В. Мимолетное. Запись в дневнике 31.8.1915 г. – М., 1994. – С. 292.
- ³ Гиренок Ф.И. Пато-логия русского ума. – М., 1998. – С. 413. Приведу еще один пример. С.В. Лебедев пишет: «Общий вывод весьма прост: два раза за XX век интеллигенция предала русский народ и обрекла его на нищету, голод, войны, упадок культуры» (*Лебедев С.В.* Преступление интеллигенции // www.rusk.ru/st/php?idar=104397/).
- ⁴ См.: Померанц Г.С. Интеллигенция, интеллигенты и интеллигентность.
- ⁵ Струве П.Б. Россия под надзором полиции // Освобождение. Т. 1. 1903. № 20/21. – С. 357.
- ⁶ Текст многословного Бердяева полон двусмысленностей и противоречий: «Зло русской жизни, зло деспотизма и рабства... не побеждается искаженным(?) усвоением разных крайних(?) учений. И Авенариус, и Ницше, да и сам Маркс очень мало нам помогут в борьбе с нашим вековечным злом, исказившим(?) нашу природу и сделавшим нас столь невосприимчивыми к объективной истине» (*Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. – М., 1990. – С. 21). Что ни фраза, то загадка.
- ⁷ «Студент» стало нарицательным именем интеллигента во время революции» (*Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. – С. 48).
- ⁸ «В 1905 – 1906 гг. на историческую арену выступили большие социальные тела – классы со своими интересами и требованиями; эпоха заместительства закончилась, исторически исчерпав себя. И вместе с тем покончено с апостольством интеллигенции» (*Троцкий Л.* Об интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ. – М., 1993. – С. 116).
- ⁹ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. – С. 63. В предисловии к «Вехам» говорится следующее: «Внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, явля-

